

Кирилл Соловьев*

ИДЕЯ САМОДЕРЖАВИЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Аннотация: В статье рассматривается понимание концепта «самодержавие» интеллектуалами и представителями высшей бюрократии в конце XIX – начале XX вв. Исследование основано на широком круге источников, как опубликованных, так и архивных. Отмечается, что получившая широкое признание славянофильская версия (точнее: версии) «самодержавия», в сущности, предусматривала перереформирование политического режима и проведение масштабных институциональных преобразований. Фактически она служила «камуфлированию» оппозиционных настроений среди высших сановников империи, которые не могли быть слишком откровенными в декларации собственных политических взглядов. Это была риторика мнимой лояльности. В основе ее лежало категорическое неприятие абсолютистской доктрины, которая по умолчанию была идеологическим фундаментом российской государственности. Критикуя слабо прижившиеся в России институты полицейского государства, сторонники славянофильской версии «самодержавия» вплотную подходили к идее конституционных ограничений царской власти. Они отказывали государству в праве быть единственнымдемиургом российской истории и настаивали на необходимости установления жестких рамок его деятельности. Важно подчеркнуть, что славянофильская риторика получила широкое хождение как среди убежденных сторонников славянофильского учения, так и среди тех, кто готов был принять ее как словесное оформление для собственных оппозиционных взглядов. Все это не было секретом для многих высокопоставленных бюрократов, не сочувствовавших такому пониманию монархии. Высказывания самих императоров в большинстве случаев были весьма далеки от славянофильской риторики. И все же каноническое прочтение «самодержавия» принадлежало не царям, а славянофильствующим мыслителям, работавшим в редакциях московских журналов и газет или же в министерских канцеляриях Санкт-Петербурга. Это лишний раз подчеркивает политическое одиночество верховной власти, которая не могла ожидать однозначной поддержки даже со стороны ближайших сотрудников в лице государственных служащих или придворного окружения.

Ключевые слова: самодержавие, славянофильство, бюрократия.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-48-69.

В юбилейный год революции нередко вспоминают запоминающиеся и во многом точные слова Д. С. Мережковского: «Любое государство — это застывшая революция. Любая революция — это расплавленное го-

*Соловьев Кирилл Андреевич, д. ист. н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры теории и истории права факультета права НИУ ВШЭ (Москва), ksoloviev@hse.ru.

**© Соловьев, К. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

сударство». Но какая революция застыла в Российском государстве XIX в.? И столь ли уж застывшей материей кажется государство?

В современной гуманитаристике все громче звучит мысль, которая до сих пор не прижилась в историографии: привычное к настоящему времени государство — явление Нового времени. В значительной мере оно стало логическим развитием эволюционировавшей династической власти Средних веков. Такое государство стало явственным воплощением дискурса рационализма XVII в.¹ Согласно этому наблюдению, европейское государство сложилось как полицейское и имело в своем основании управленческую модель абсолютной монархии (Шмитт, Филиппов и др., 2016: 176). П. Бурдые предлагает и более широкий контекст становления государства. Его формирование совпало с развитием картезианской философии.

Конечно, такое понимание данного феномена весьма далеко ушло от юридического позитивизма, фактически подменяющего анализ явления перечислением его функций (Бурдые, Кралечкин и Кушнарера, 2016: 55). Это не совокупность государственных учреждений, а «результат договора» (Кокошкин, 2010: 76–78), «завоевания» (там же: 93–94), своего рода «живой организм» (там же: 84–86), «господство той или иной силы» (там же: 90–92), «монополия на насилие» (Вебер, Давыдов, 1990: 646)², «коллективная иллюзия или фикция» (Бурдые, Кралечкин и Кушнарера, 2016)³.

По мнению Бурдые, государство менялось вместе с представлениями о нем. Филантропические идеи конца XIX в. стали фундаментом для

¹Конечно, сторонники такой точки зрения подчеркивают, что речь идет о поступательном процессе, который начался еще в период Высокого Средневековья и в значительной мере объяснялся столкновением светской и папской власти (Кревельд, Кузнецов и Макеев, 2006: 81–156).

²В сущности, схожую интерпретацию государства предлагает М. Фуко: «Второй момент политической теории суверенитета связан изначально с тем, что она выделяет множественность властей, которые не являются властями в политическом смысле слова, а представляют просто способности, возможности, силы, она может их конституировать в качестве властей в политическом смысле слова только при условии, что между возможностями и властями будет установлено прочное и основополагающее единство, единство власти. Неважно, будет ли это единство воплощено в образе монарха или государства; важно, что в нем берут начало различные формы, аспекты, механизмы и институты власти. Множественность властей, толкуемых в качестве политических властей, может быть установлена и может функционировать только исходя из единства власти, основанной на теории суверенитета» (Фуко, 2005: 60–61).

³«Государство и есть эта хорошо обоснованная иллюзия, место, которое существует, по сути, именно потому что его считают существующим» (Бурдые, Кралечкин и Кушнарера, 2016: 62).

социального государства XX столетия и одновременно с тем — вызовом для правящей элиты. В любом случае это был следующий шаг после того, как государство заявило о себе устами абсолютного монарха, а потом безжалостно свергло его с престола. Однако королевское наследие, а именно культ власти, практически его обожествление, так или иначе осталось.

Впрочем, у современных исследователей европейского абсолютизма не вызывает сомнения, что в основе его лежит не столько несовершенная технология управления, сколько хорошо известная по источникам мифология власти, явленная в виде придворных церемоний, символических актов. В практической сфере у абсолютного монарха власть была далеко не абсолютной. Так, Н. Элиас полагает, что генезис государства был тесно увязан с поиском баланса между монаршим абсолютизмом и общественными интересами (Элиас, Кухтенков и др., 2002: 193–195)⁴. Действительно, вера в то, что государство — следствие достигнутого равновесия социальных или политических сил, была весьма популярна среди мыслителей Нового времени (Шмитт, Филиппов и др., 2016: 136–143). Даже принимая эту точку зрения, следует иметь в виду, что такой баланс был динамичным и неустойчивым.

Монархический абсолютизм Нового времени взламывал привычную политическую рамку династической власти, так или иначе защищавшей сословные интересы традиционалистски устроенного общества. В сущности, он становился революцией в понимании того, что такое верховная власть. Он угрожал привычному правопорядку, вызывая вполне естественную защитную реакцию его сторонников. Антитезой абсолютизму мог стать парламентаризм, который должен выполнять роль гаранта прав общества, сталкивающегося с агрессивным и амбициозным правительством⁵.

Борьба разворачивалась, в том числе, в символическом поле. Образ власти в древности, в Средневековье, в Новое время — сюжет, популярный среди современных историков. Очевидно, что этот образ неслучайно возникает в сознании властителей и подданных. За ним стоит мифология власти, так или иначе объясняющая обывателю, почему одни могут

⁴См. также: Блош, Тарасенкова и Тарасенков, 1998: 150.

⁵Как писал К. Шмитт, «идея современного парламентаризма, требование контроля и вера в общественное мнение и публичность возникли в процессе борьбы с тайной политикой абсолютных князей; чувство свободы и справедливости было возмущено практикой агсана, которая решала судьбы народов тайными постановлениями» (Шмитт, Филиппов и др., 2016: 145).

осуществлять господство над другими. В «конденсированном» виде эта мифология транслируется обществу в виде самых разных торжественных церемоний: парадов, приемов, коронаций и т. д. Для медиевиста описание придворных обрядов — важный источник по политической истории⁶. Уже давно эта проблема увлекла и специалистов по истории России Нового времени (Уортман, Житомирская, 2002; Уортман, 1992: 18–30). Интерес к этому вопросу оправдан. Прежде исследователи просто не замечали его. И все же проблематика мифологии власти открывает куда более широкие перспективы перед историками. Источников, имеющих в их распоряжении применительно к российским сюжетам XIX – начала XX в., — существенно больше.

Любая церемония происходит в соответствии со строгим каноном, который по определению консервативен и не может динамично меняться вместе со временем. Кроме того, возникает вопрос, на который трудно найти однозначный ответ: насколько сценарий торжественных процессий был отрефлексирован его авторами и участниками? Они слепо следовали сложившейся традиции или же (вольно или невольно) участвовали в коллективной политической декларации?

Вместе с тем мифология власти так или иначе сказывалась и на правовых актах, чья идеологизированность, оторванность от политических реалий признавалась еще в момент написания. Они были плодом усилий рационально мыслящих бюрократов, которые в большинстве своем прекрасно осознавали всю условность отстаиваемых ими юридических конструкций.

Любая политическая система предполагает сложную комбинацию социальных отношений. Ее нельзя свести к однозначно читаемому ярлыку: абсолютизм, олигархия, демократия и т. д. Как уже отмечалось выше, «старый режим» в Европе раннего Нового времени привычно ассоциировать с абсолютной монархией, которая на практике оказывается менее абсолютной, чем кажется. Она основана на многочисленных конвенциях, которые ее ограничивают с разных сторон. Такой абсолютизм — в большей степени идея, нежели практика; миф, а не реальность (Хеншелл, Паламарчук и др., 2003: 239–240)⁷. Вместе с тем, это миф

⁶ См.: Бойцов, 2009: 25–90; Власть и образ, 2010. См. также: Элиас, Кухтенков и др., 2002: 100–145.

⁷ 24 ноября 1909 г. Д. А. Хомяков писал К. Н. Пасхалову: «„Самодержавие“ и „абсолютизм“ по существу своему так же отличны одно от другого, как в общественной жизни „культурный выразитель своего народа“ и „интеллигент“: первый во власти самодержавия, а второй абсолютный император» (Хомяков, 1909. Л. 5).

чрезвычайной важности. Он способствует легитимации политической системы. Проблема в том, что эти мифы прочно укоренились в историографии и порой определяют современное понимание процессов столетней давности.

Понятие «самодержавие» эволюционировало на протяжении трех столетий. Сложившись к концу XVI в., оно на каждом историческом повороте материализовывалось по-новому (Кром, 2018: 65). Непрерывность становления и развития самодержавия — миф, восходящий к политической романтике XIX столетия. Соответственно, разговор о самодержавии XIX в. нужно начинать не с царя Федора Иоанновича, а, видимо, с Петра Великого. Именно в его царствование были заявлены проектные возможности самодержавия как политического режима. «Революционер на троне» не был в этом отношении оригинален. Он воспроизводил доктрину полицейского государства, которая лежала в основе практик западноевропейского абсолютизма (Медушевский, 1994: 53–54; Власть и реформы, 1996: 128–130). Российское своеобразие сказывалось в том, что идеологический проект был первичен по отношению к политической практике, которая не могла поспеть за замыслами законодателя. В итоге российский абсолютизм приобретал причудливые формы. С одной стороны, у императора всероссийского был значительно более ограничен арсенал средств контроля и подавления, чем в странах Западной Европы. С другой стороны, царская власть на этом этапе не знала конкурентов в лице сословий или церкви. К этому стоит присовокупить дезорганизацию управления, ставшую следствием петровских преобразований (Писарькова, 2007: 140–142). Таким образом, российский абсолютизм был значительно менее институционализирован, нежели абсолютизм в западноевропейских странах. Он так или иначе отталкивался от петровского образца, на практике предполагавшего харизматическую модель легитимации власти.

Расхождение между словом и делом становилось своего рода вызовом для правительства, побуждая «высшие сферы» к преобразованиям, нацеленным на рационализацию государственной власти. Относительно успешности реформаторских циклов в России в историографии идет долгий спор, который, видимо, никогда не кончится. И все же очевидно, что политический режим не стоял на месте, а постепенно трансформировался, в чем-то приближаясь к петровскому идеалу. По крайней мере, о серьезных подвижках в профессионализации бюрократии можно говорить со второй четверти XIX в. Таким образом, институциональное оформление абсолютной монархии в России складывалось тогда, когда

в Западной Европе она доживала последние дни. В итоге русскому самодержавию приходилось решать те задачи, о которых абсолютные монархи XVIII столетия и не задумывались. Организация власти самодержавной монархии должна была более или менее соответствовать технологическим, экономическим, а, главное, социальным вызовам второй половины XIX в. Управленческая и законотворческая механика в России этого периода была куда более изощренной, чем у правителей Западной Европы столетием раньше.

Самодержавие столкнулось и с вызовом идеологического свойства. Для европейского XVIII столетия абсолютная монархия — вполне приемлемая и, может быть, даже оптимальная форма правления. Во второй половине XIX в. оправданность такого политического режима необходимо было специально доказывать. Этот интеллектуальный вызов выпал на время нациостроительства, когда шел поиск формулы национальной идентичности. В итоге самодержавие стало неотъемлемой его частью (Миллер, 2016: 57–59). Оно было по-новому исторически осмыслено, вплетено в мифотворную историю Московской Руси. В данном случае «первая скрипка» в переинтерпретации самодержавия принадлежала славянофилам и «славянофильствующим». Они создали язык описания этого явления.

В этом, видимо, и заключается коренная особенность самодержавия второй половины XIX в. Если абсолютная монархия XVIII столетия претендовала на то, чтобы быть универсальной нормой, то самодержавие не признавало такую норму в принципе. Абсолютная монархия в значительной мере сводится к попытке рациональной организации власти. Самодержавие славянофильского извода предлагает ее мистическое понимание. Проблема в том, что правовая и управленческая техника второй половины XIX в. восходит к интеллектуальным традициям XVIII в. Бюрократическая империя как проект весьма рациональна. Получалось, что конфликт между абсолютной монархией (которая в Европе только и оставалась в России да в Османской империи) и самодержавием разворачивался в рамках одной политической системы — России второй половины XIX – начала XX в.

То, что российское самодержавие — это не самовластие царя, признавали еще его критики конца XIX – начала XX в. В марте 1904 г. князь Д. И. Шаховской на страницах журнала «Освобождение» утверждал:

Мы признаем, что в современном русском самодержавии монархический принцип имеет если не злейшего врага, то опаснейшего союзника, что русское

самодержавие, делая монархический режим игрушкой в руках бюрократической олигархии, превращая его в тормоз свободного развития России, дискредитирует и подкапывает самую идею монархии. С самодержавием следовало бы бороться даже во имя монархии, не говоря о других принципиальных и практических основаниях (Либеральное движение..., 2001: 69).

Впрочем, с этим соглашались и апологеты самодержавия, для которых было важно подчеркнуть: в России не было традиционного западноевропейского абсолютизма⁸. Вокруг этой идеи выстраивалась политическая конструкция позднего славянофильства. Нет смысла воспроизводить ее в деталях (см.: Соловьев, 2009: 63–88). Стоит особо остановиться лишь на характерных ее особенностях. Неославянофилы предложили политическую утопию. Их понимание власти — неправоное или, можно сказать, «надправоное». Это обуславливает не отрицание права, а исключительно недоверие к нему. Как писал Д. Н. Шипов, государство и все его институты сами по себе — вынужденное зло, вызванное несовершенством человеческой природы. Генетически связанное с государством право — важнейший факт общественно-политической жизни, но, как и государство, его нельзя абсолютизировать. Все это лишь очень несовершенные средства для достижения высоких целей (Шипов, 2007: 165–166). По мнению неославянофилов, преимущество России над Западной Европой, в том числе, заключается в адекватном понимании общественного значения права. В западноевропейских странах привыкли его фетишизировать:

Различие наше с Западом, представляется мне, заключается, главным образом, в том, что там область права признается как нечто абсолютно существующее, как нечто отдельное и даже противоположное области нравственности, а у нас народный православный дух не придает области права такого самостоятельного значения, а ищет в нем и желает в нем видеть выражение и осуществление нравственного закона, основы учения Христа (Шипов, 1904. Л. 22).

Фетишизация права представлялась явным недоразумением. В неославянофильских построениях по умолчанию подразумевалось, что право основывалось на государственной силе. Самодержавная власть базировалась, прежде всего, на религиозно-этических ценностях, признававшихся всем обществом. Киреев в своей работе «Россия в начале XX столетия» писал:

⁸Хотя, как уже было сказано выше, западноевропейский абсолютизм отнюдь не такой, как его привыкли понимать в славянофильской среде.

...Правовой порядок — ложь, неудержимо понижающая этические идеалы народов и государств. Да, правовой порядок есть не что иное, как узаконенный эгоизм, кощунственно возведенный в этическое начало, и этому началу мы должны противопоставить наше христианское начало, твердо его отстаивая, твердо проводя его в нашу общественную жизнь (Киреев, 1903: 41).

Примечательно, что в своем понимании права неославянофилы следовали позитивистскому канону и критиковали его практически с тех же позиций, что и сторонники возрождения естественного права. И все же различие между ними имелось, и довольно существенное. Для сторонников возрождения естественного права общественные идеалы — историческая величина, постоянно меняющаяся во времени. Для неославянофилов это — абсолютные ценности, восходящие к христианскому вероучению. Следовательно, общественная нравственность — это не то, что формируется само собой, а то, что следует специально прививать и воспитывать. Это необходимо иметь виду при определении формы правления, которая должна стать благодетельной для состояния умов и души народонаселения страны. Если власть — вынужденное зло, она несомненно развращает своих носителей. Соответственно, чем больше людей обладают ею, тем больше отравы она несет. Демократия — это прямой путь к развращению уже всего народа, который будет озабочен лишь частными интересами и материальными благами, позабыв о нравственном долге и обязанностях. «Принцип народоправства положит в основу государственного строя личную волю, личные права граждан, тогда как необходимое условие государственной жизни, представляется мне, должно заключаться в подчинении личной воли иным, высшим идеалам» (Шипов, 2007: 168).

Этого можно достигнуть, подчинив всю власть одному лицу, которое стояло бы выше всех классовых интересов. Естественно, им должен быть наследственный монарх, само наличие которого снимало вопрос о какой-либо политической борьбе. В отличие от избранного президента, министра, депутата, царь не зависит от лоббистских групп, отбирающих по своему вкусу политиков и гарантирующих им победу на выборах. Подлинный государь представляет интересы всех. Конечно, история знает случаи злоупотребления монархами своей неограниченной властью. По мнению Шипова, это слабый аргумент против самодержавия. Его подлинный носитель всегда настроен на диалог с народом. В противном случае он перестает быть самодержцем, а становится лишь абсолютным

монархом на западноевропейский лад (Шипов, 2007: 169)⁹. Эта мысль оттеняет всю умозрительность данной интеллектуальной конструкции. Прибегая к таким интеллектуальным приемам, неославянофилы сами подчеркивали предельную уязвимость собственных позиций.

Впрочем, нравственное значение самодержавия можно было обосновывать и иначе. Д. А. Хомяков, сын отца-основателя славянофильства и сам видный теоретик рубежа веков, видел оправдание самодержавия в подлинной свободе, которую обретал человек.

Самодержавная форма правления возможна только у того народа, который почитает наиценнейшими не могущество, не утонченность политической системы, не принцип «обогащения», а свободу быта и веры, свободы жизни, для достижения которой государство — только орудие [...] Раз же оно сделалось целью, то, конечно, поработит себе человека и отвлечет его от той свободы которая дорога человеку неизврращенному и которая есть прирожденная его потребность (Хомяков, 1993: 136–137).

Иными словами, русский народ, предпочтя самодержавие, сделал свой выбор в пользу подлинной свободы — прежде всего, от политики и связанных с ней тягостных забот. Они возложены на плечи царя, который принял на себя этот огромный труд.

Однако даже при таком понимании вопроса славянофилы подчеркивали ошибочность отождествления самодержавия с бюрократией. Последняя нещадно критиковалась. Более того, регулярно ставился вопрос о ее замене «государственно-земским» аппаратом, расширении функций органов местного самоуправления (т. е. земств). Довольно известный публицист конца XIX — начала XX в. С. Ф. Шарапов призывал решительно сократить сферу компетенции центральных правительственных учреждений, которые могли успешно работать при поддержке всероссийского представительного учреждения (Шарапов, 1903: 24, 55). Эту роль мог бы сыграть реформированный Государственный совет, в который следовало было бы приглашать выборных представителей от земских областей (Шарапов, б. д. Л. 28). «Все же внутреннее управление должно идти в областях посредством излюбленных земских людей на

⁹ 1 июня 1907 г. П. Б. Мансуров писал Ф. Д. Самарину: «Я полагаю, что монархический принцип не выдержал бы никакой критики, если бы он требовал выдающихся способностей у монархов. Монархия, как я понимаю, имеет целью поставить во главе народа личную совесть и при том в таких условиях, которые наиболее облегчали бы ей свободное проявление, т. е. при наименьших побуждениях подчиняться частным эгоистическим мотивам» (Мансуров, 1907. Л. 158 об.–159).

точном основании самодержавно царем даваемых законов при действительной и серьезной ответственности местных выборных людей перед верховной властью и государством» (Шарапов, б. д. Л. 8 об.).

Высокую оценку земства и «земских людей» порой разделяли и в правительственных кабинетах, где нередко сидели и сторонники славянофильства. В августе 1899 г. товарищ министра внутренних дел князь А. Д. Оболенский написал письмо министру финансов С. Ю. Витте с критикой его недавней «антиземской» записки. По мнению Оболенского, «самодержавие не есть лишь вершина бюрократической пирамиды, он [самодержец. — К. С.] есть глава всего народа, солидарный с этим народом, в котором бюрократия лишь один из элементов...» Оставшись наедине с чиновничеством, царь перестает быть царем, превращаясь лишь в очередного администратора — правда, высокопоставленного. Ради сохранения самодержавия следовало бы укреплять земство, которое может быть единственным серьезным противовесом бюрократии (Оболенский, 1899. Л. 2). Самодержавие — не европейский абсолютизм или же азиатский деспотизм. С точки зрения Оболенского, это в первую очередь доказали реформы Александра II. Абсолютный монарх не мог пойти на столь широкие социальные и правовые преобразования, не смог бы гарантировать существование независимого суда, а, главное, освободить крестьян. «Никогда не было такого положения и быть его не может, чтобы интересы самодержавия могли в чем-либо противоречить благу народному, чтобы русский самодержец не служил этому благу» (Оболенский, 1905. Л. 1.).

Схожую мысль проводил граф П. С. Шереметев в беседе с министром внутренних дел В. К. Плеве 2 мая 1903 г.: «Самодержавие нам необходимо, но основанное на местном самоуправлении. Поэтому для меня земство есть основа самодержавия. Если же угнетать земство, вообще местных людей, то мы неизбежно придем к конституции в России» (Шереметев, 1903. Л. 3.).

Таким образом, политическая конструкция неославянофильства имела очевидный оппозиционный «заряд». Ее сторонники рано или поздно, так или иначе выходили на тему государственной реформы. Причем в большинстве случаев их не устраивали частные преобразования — они настаивали на институциональных реформах. Главным своим врагом они считали высшую бюрократию. По мнению Киреева, чиновник — несомненный противник всех исторических устоев России и, более того, самодержавия. Рецепты совершенствования государственного строя

могли быть самые разные. Так, Киреев предлагал запретить всеподданнейшие доклады министров императору, когда высокопоставленные чиновники могли добиваться от царя принятия любого решения (Киреев, 1903: 30); он призывал смягчить цензурный контроль над печатью (там же: 33); расширить полномочия земства (там же: 37–40); привлекать «сведущих людей» к разработке правительственных решений (там же: 34). Главное же его требование — созыв Земского собора, законосовещательного учреждения (там же: 35).

Эти предложения не были результатом консенсуса славянофильских мыслителей. Каждый из них был особой величиной со своими взглядами и убеждениями. Это можно сказать и о Ф. Д. Самарине, племяннике Ю. Ф. Самарина. Ф. Д. Самарин полагал киреевский проект предельно наивным. Он не верил в спасительность Земского собора, не доверял русскому обществу. Впрочем, Самарин не ограничился только критикой: он предложил и свой проект выхода из настоящего кризиса. Он признавал, что общество недоволено властью и это ставит под сомнение перспективы существующего режима:

Действительно, как бы ни была сильна и тверда верховная власть, она может оказаться неспособной управлять страной и пасть жертвой внутреннего бессилия, если тот общественный класс, который служит ей орудием, без которого она не может обойтись, ибо через него она правит, если этот класс относится к ней враждебно или хотя бы отрицательно и все лучшие свои надежды связывает с переменой режима (Самарин, 1904. Л. 23).

Нормализация отношений общества и власти требовала реформ, причем весьма значительных. Следовало упразднить предварительную цензуру (Может ли земский собор..., 1905: 29), ввести ежегодные отчеты министров, которые были бы достоянием гласности (там же: 28); бюрократию нужно было поставить под контроль особых административных судов; необходимо было упорядочить работу приглашавшихся экспертов, «сведущих людей». Лучше всего было бы использовать английский опыт

производства местного опроса и исследования особыми комиссиями смешанного состава или особыми лицами, специально на то уполномоченными от верховной власти, с тем, чтобы эти комиссии или лица имели право опрашивать, кого они найдут нужным, собирать те сведения, которые они признают полезными, и чтобы они были обязаны на основании всего виденного и слышанного выработать предположения о желательных законодательных мерах (там же: 29–30).

Нам говорят: что же, по вашему, преобразовать и как? Мы отвечаем: нет такого преобразования, которое одно обещало бы полное излечение. Требуется целый ряд мер. Нужно преобразование Государственного совета, Сената, министерств, местного управления. Нужно освободить государя от массы мелких дел, которые теперь до него не доходят. Нужно дать возможность частным лицам привлекать к ответственности должностных лиц и т. д. (Машинописи материалов..., 1905. Л. 3 об.)

Иными словами, Ф. Д. Самарин, консерватор, человек весьма умеренных взглядов, критик идеи созыва Земского собора, тем не менее выступал за институциональные преобразования, которые фактически должны были ограничить самодержавную власть. Д. Н. Шипов шел существенно дальше. Он полагал, что подлинное самодержавие, соответствовавшее всем славянофильским требованиям, было в Англии. Именно там политический строй основывался не на писанной конституции, а на традиции, совести правителя, а также многовековом единении короля и народа.

И я считал вероятным и возможным, что если идея русского самодержавия сохранится непоколебимой в своей основе, то при постепенном развитии нашей государственной жизни эта идея могла бы получить в более или менее близком будущем выражение и осуществление в формах и порядке, аналогичных государственному строю в Англии (Шипов, 2007: 288).

Мифологический образ самодержавной власти жил своей жизнью, явно расходясь с политической и административной реальностью. Это побуждало некоторых сожалеть об утраченном идеале и мечтать о возрождении подлинного самодержавия, фактически замененного всевластием бюрократии. Это был удел не только общественных деятелей славянофильского направления, но и высокопоставленных чиновников, вполне сочувствовавшим подобным идеям. Остается вопрос о том, насколько славянофильский язык разговора о самодержавии подразумевал искренность людей, его использовавших. Не чаще ли он маскировал подлинные их устремления? Решительный поворот многих чиновников к конституционализму в период Первой русской революции скорее позволяет ответить на этот вопрос положительно. Впрочем, это чувствовалось задолго до 1905 г. Так, в 1886 г. правитель канцелярии МВД А. Д. Пазухин жаловался издателю газеты «Новое время» А. С. Суворину: «Людей, верующих в самодержавие, очень немного в России» (Суворин, 2000: 64). В нем сомневались даже искренние его сторонники.

Так, по словам Н. А. Любимова, в марте 1887 г. даже Катков склонялся к представительной форме правления (Суворин, 2000: 306).

И все же славянофильская доктрина была весьма влиятельной. Она стала теоретическим обоснованием проекта Указа 12 декабря 1904 г., подготовленного по инициативе министра внутренних дел князя Л. Д. Святополк-Мирского. Ею воспользовались, когда определялся статус так и не созданной «булыгинской думы». В период Первой русской революции проекты возвращения самодержавия к его славянофильским, земским корням готовили многие высокопоставленные бюрократы: например, член Государственного совета А. Н. Куломзин (Куломзин, 1905. Л. 1.), чиновник особых поручений МВД П. Б. Мансуров (Русский консерватизм..., 2010: 256–257). В 1905 г. многие государственные деятели вступили в политические объединения, которые открыто призывали к политическим реформам в славянофильском духе: начальник земского отдела МВД В. И. Гурко, начальник канцелярии МВД Д. Н. Любимов, директор канцелярии МВД по делам дворянства Н. Л. Мордвинов, директор департамента личного состава МВД А. И. Буксгеведен, бывший товарищ министра внутренних дел А. С. Стишинский и др. (там же: 335–337).

И все же многие представители высшей бюрократии категорически не принимали славянофильскую риторику. Видный государственный деятель и проницательный мыслитель П. А. Валуев ее часто критиковал:

Дикая допетровская стихия взяла верх. Разложение императорской России предвещает ее распадение [...] Замечательна слепота, с которой державные власти относятся к славянофильскому движению, а вероломство этих славяноманов мне внушает такое отвращение, что если они истинная Россия, то я перестаю быть русским (Валуев, 1919: 186).

29 января 1886 г. главноуправляющий по делам печати Е. М. Феоктистов записал в дневнике: «Славянофильство — доктрина достаточно смутная, а управлять государством на основании доктрин нельзя. Аксаков чуть не причинил великий вред, убедив в 1882 г. пустоголового графа Н. П. Игнатьева созвать Земский собор...» (Феоктистов, 1886. Л. 4 об.)¹⁰.

¹⁰Вместе с тем, скептическое отношение к славянофильским формулам отнюдь не свидетельствует об охранительном настрое того или иного государственного служащего. Так, критиком славянофильства был сенатор, а впоследствии государственный секретарь А. А. Половцов. Однако он же был сторонником проведения политической реформы. Свои взгляды он изложил в записке 1876 г.

Среди чиновников было немало тех, кто отрицал сам факт наличия самодержавия. Среди них был и П. А. Валуев:

В обиходе административных дел государь самодержавен только по имени, что есть только вспышки, проблески самодержавия [...] что при усложнившимся механизме управления важнейшие государственные вопросы ускользают и должны по необходимости ускользать от непосредственного направления государя [...] наше правление — министерская олигархия... (Валуев, 1961: 100).

Валуев в своей оценке не был одинок. В марте 1874 г. будущий государственный секретарь А. А. Половцов записал в дневнике:

Самодержавное правление самодержавно только по имени, ограниченность средств одного человека делают для него всемогущество невозможным; государь зависим от других, от лиц его окружающих, от господствующих мнений, от других правительств, от сложившихся в человечестве сил, то прямо то косвенно высказывающих свое влияние (Половцов, 1874. Л. 68).

Прошло десять лет. В 1883 г., буквально в дни коронации Александра III, Половцов записал: «Самодержавие, о котором так много толкуют, есть только внешняя форма, усиленное выражение того внутреннего содержания, которое отсутствует. В тихое, нормальное время дела плетутся, но не дай Бог грозу, не знаешь, что произойдет» (Половцов, 2005: 108). Впрочем, такой порядок вещей скорее устраивал Половцова. В мае 1885 г. он объяснял императрице Марии Федоровне:

Государь должен вмешиваться во второстепенные вопросы повседневной жизни? Я думаю, что верховной власти следует в этом вопросе подражать божественному провидению, которое, установив совершенный порядок, не может вмешиваться в жизнь отдельных существ, не подрывая своего престижа (там же: 356).

О взглядах высокопоставленных сановников порой ходили удивительные слухи. В 1891 г. министр финансов И. А. Вышнеградский рассказывал издателю «Московских ведомостей» В. А. Грингмуту, что среди чиновников существовала партия конституционалистов и во главе ее стоял сам министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков (Феоктистов, 1890–1896. Л. 44)¹¹.

¹¹По этому поводу Е. М. Феоктистов отметил: «И. А. Вышнеградский — слишком умный человек, чтобы верить всему тому, что он рассказывает Грингмуту. У него много озлобленных врагов — это не подлежит сомнению, но враги эти — люди легкомысленные и пустые, которые напускают мерзкие сплетни о нем, наушничают государю...». Феоктистов, 1890–1896. 44 об.

И все же «верующие в самодержавие» были — прежде всего, сами императоры. Впрочем, их понимание собственной власти явно расходилось со славянофильским. Хорошо известно, что Людовик XIV никогда не произносил часто приписываемые ему слова: «Государство — это я» (Блюш, Тарасенкова и Тарасенков, 1998: 719). Русские цари конца XIX — начала XX в. могли это сделать за него. Согласно запискам Н. А. Любимова, 20 апреля 1881 г. Александр III сказал Баранову: «Конституция! Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?» (Суворин, 2000: 304) Памятны слова Николая II о «бессмысленных мечтаниях», сказанные 17 января 1895 г. перед делегацией земств и городов. Сам император отнесся к этому выступлению с чрезвычайной серьезностью. На следующий день он говорил министру внутренних дел И. Н. Дурново: «Ночь накануне того дня, когда мне следовало отвечать на адрес, я провел почти без сна. Намерение мое было непоколебимо, но нервное возбуждение не давало мне покоя. Теперь же я спокоен и не сомневаюсь, что оказал услугу России» (Феоктистов, 1890–1896. Л. 67 об.). В 1902 г., объясняя барону В. Б. Фредериксу свое решение изъять имущество у дяди — великого князя Павла Александровича, Николай II прямо заявил: «По моему мнению, император может делать то, что пожелает» (Половцов, 2014: 398)¹².

¹²Конечно, и среди искренних сторонников самодержавия были и безусловные противники славянофильского учения. Одним из наиболее известных из них был К. П. Победоносцев. Его влияние на политическую жизнь России конца XIX — начала XX в. то росло, то падало. И все же в 1881–1905 гг., то есть почти четверть века, он оставался на самой вершине «олимпа» государственной жизни империи. Однако его представления о власти, государстве, самодержавии были столь своеобразными, что сложно считать их определяющими для бюрократической элиты того времени. Победоносцев был фаталистом. Он не верил в перспективы самодержавного строя. Предсказывал неизбежную победу революции. Его отстаивание самодержавия — это тщетная (по мнению самого Победоносцева) попытка приостановить безудержный исторический процесс (Феоктистов, 1991: 219).

Впрочем, некоторые высказывания Победоносцева были вполне славянофильскими по духу. 6 декабря 1904 г. при обсуждении реформаторского проекта князя П. Д. Святополк-Мирского он предпочел говорить о самодержавии в мистическом духе: «Царь-де папа, он должен руководствоваться не политическими, но религиозными соображениями. Если он откажется от самодержавия, то он обезглавит церковь. Русский народ впадет в варварство и грех. Отказ от самодержавия явился бы таким образом грехом от Божьего закона. Царь принимает свои права Божьей милостью от своих предков. Как он может решиться на преступление, отказавшись от того, что ему дало Божьим соизволением. Как он оправдается перед своими потомками в том, что он отказался из-за преходящих затруднений от Божьего вечного установления. На царе лежит обязанность защищать православие и веру и оставить своим потомкам свое Божье право в неумеренном преступными ввухениями объеме» (Письмо из Санкт-Петербурга..., 1904. Л. 2).

Славянофильское учение, сравнительно популярное и в обществе, и в чиновничьей среде, не описывало реальное самодержавие, а конструировало его идеальный образ, во многом противоположный политической практике. Принимая такое самодержавие, консерватор или государственный служащий в сущности выступали критиками сложившегося порядка и становились чаще всего молчаливыми сторонниками широких (в том числе политических) реформ. Иными словами, признанная в обществе версия самодержавия подразумевала демонтаж самодержавия как такового.

СОКРАЩЕНИЯ

ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации.
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института российской литературы РАН.
РГИА	Российский государственный исторический архив.

Источники

Рукописные источники

- Куломзин А. Н.* Записка Э. В. Фришу // РГИА. — 1905. — Библиотека. — Коллекция печатных записок. — № 45.
- Мансуров П. Б.* Письмо Ф. Д. Самарину // ОР РГБ. — 1 июня 1907. — Ф. 265 (Самарины). — К. 193. — Д. 12.
- Машинописи материалов и адреса царю московского дворянства и московского земства // ОР РГБ. — 1905. — Ф. 265 (Самарины). — К. 116. — Д. 31–33.
- Оболенский А. Д.* Письмо С. Ю. Витте // ОР РГБ. — Авг. 1899. — Ф. 440 (Д. Н. Шипов). — К. 2. — Д. 7.

Критически о славянофильском учении отзывался К. Н. Леонтьев: «Славянофилы всегда представлялись мне людьми с самым обыкновенным европейским умеренно-либеральным образом мыслей. И государь Николай Павлович был прав, подозревая постоянно, что под широким парчовым кафтаном их величавых „вещаний“ незаметно для них самих скрыты узкие и скверные панталоны обыкновенной европейской буржуазности» (Леонтьев, 2007: 465–466). Представления же Леонтьева о власти вопиющим образом расходятся со славянофильскими построениями: «Пора же, наконец, сознаться громко, что и вся Россия, и сама Царская власть возростали одновременно и в тесной связи с возрастанием неравенства в русском обществе, с утверждением крепостного права и с развитием того самого „наследственного чиновничества“, которое так не нравится столбовому, 600-летнему — Н. П. Аксакову» (там же: 467). Такого рода высказывания — нарочитый эпатаж, нацеленный против взглядов, популярных в обществе.

- Оболенский А. Д.* Записка о самодержавии // РГИА. — 1905. — Библиотека. — Коллекция печатных записок. — № 45.
- Письмо из Санкт-Петербурга Д. Н. Шипову о совещании 6 декабря 1904 г. // ОР РГБ. — 1904. — Ф. 440 (Д. Н. Шипов). — К. 3. — Д. 14.
- Половцов А. А.* Дневник // ГАРФ. — 1874. — Ф. 583. — Оп. 1. — Д. 7.
- Самарин Ф. Д.* Письмо А. А. Кирееву // ОР РГБ. — 11 июня 1904. — Ф. 265 (Самарины). — К. 156. — Д. 10.
- Феоктистов Е. М.* Дневник // ОР РГБ. — 1886. — Ф. 318 (Е. М. Феоктистов). — Оп. 1. — Д. 9120.
- Феоктистов Е. М.* Дневник // ОР РГБ. — 1890–1896. — Ф. 318 (Е. М. Феоктистов). — Оп. 1. — Д. 9122.
- Хомяков Д. А.* Письмо К. Н. Пасхалову // ГАРФ. — 24 нояб. 1909. — Ф. 102 (Департамент полиции). — Оп. 265. — Д. 402.
- Шарапов С. Ф.* Проект // ОПИ ГИМ. — Б. д. — Ф. 2 (Д. И. Иловайский). — Оп. 1. — Д. 26.
- Шереметев П. С.* Записка // РГИА. — 1903. — Ф. 1088 (Шереметевы). — Оп. 2. — Д. 465.
- Шипов Д. Н.* Письма М. В. Челнокову // ГАРФ. — 1904. — Ф. 810 (М. В. Челноков). — Оп. 1. — Д. 492.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- [*Валуев П. А.*] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. Т. 1 / под ред. П. А. Зайончковского. — М. : АН СССР, 1961.
- Валуев П. А.* Дневник, 1877–1884. — Петроград : Былое, 1919.
- Киреев А. А.* Россия в начале XX столетия. — СПб., 1903.
- Кокошкин Ф. Ф.* Избранное. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Леонтьев К. Н.* Славянофильство теории и славянофильство жизни // Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 8. Кн. 1. — СПб. : Владимир Даль, 2007.
- Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря : в 2 т. Т. 1. — М. : Центрполиграф, 2005.
- Половцов А. А.* Дневник, 1893–1909. — СПб. : Алетейя, 2014.
- [*Суворин А. С.*] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. — London, М. : Независимая газета, The Garnett Press, 2000.
- Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. — М. : Новости, 1991.
- Хомяков Д. А.* Самодержавие: опыт схематического построения этого понятия // Православие, самодержавие, народность. — М., 1993.
- Шарапов С. Ф.* Самодержавие и самоуправление. — М., 1903.
- Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2007.

ЛИТЕРАТУРА

- Блюш Ф.* Людовик XIV / пер. с фр. Л. Д. Тарасенковой, О. Д. Тарасенкова. — М. : Ладомир, 1998.
- Бойцов М. А.* Величие и смирение : очерки политического символизма в средневековой Европе. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2009.
- Бурдые П.* О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / пер. с фр. Д. Кралечкина, И. Кушнаревой. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
- Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем. Ю. Н. Давыдова. — М. : Прогресс, 1990.
- Власть и образ : очерки потестарной имагологии / под ред. М. А. Бойцова, Ф. Б. Успенского. — СПб. : Алетей, 2010.
- Власть и реформы: от самодержавной к Советской России / под ред. Б. В. Ананьич. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1996.
- Кревельд М.* Расцвет и упадок государства : пер. с англ. / под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. — М. : ИРИСЭН, 2006.
- Кром М. М.* Рождение государства. Московская Русь XV–XVI вв. — М. : Новое литературное обозрение, 2018.
- Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. — М., 2001.
- Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России : сравнительное историческое исследование. — М. : Текст, 1994.
- Миллер А. И.* Нация. Могущество мифа. — СПб. : ЕУ СПб, 2016.
- Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. — 1905. — 4 апр.
- Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII вв. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2007.
- Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Соловьев К. А.* Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности, 1899–1905. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2009.
- Уортман Р.* Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? Россия, 1861–1917. — СПб. : Наука, 1992. — С. 18–30.
- Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. Т. 2 / пер. с англ. С. В. Житомирской. — М. : ОГИ, 2002.
- Фуко М.* Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. — СПб. : Наука, 2005.
- Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего нового времени / пер. с англ. А. А. Паламарчука, Л. Л. Царук, А. А. Махалова. — М. : Алетей, 2003.
- Шмитт К.* Понятие политического / пер. с нем. А. Ф. Филишова, А. П. Шурбелева, Ю. Ю. Коринца. — СПб. : Наука, 2016.

Элиас Н. Придворное общество / пер. с нем. А. П. Кухтенкова [и др.]. — М. : Языки славянской культуры, 2002.

Solov'yev, K. A. 2018. "Ideya samoderzhaviya (konets XIX – nachalo XX vv.) [The Notion of Tsarist Autocracy at the End of Nineteenth – Beginning of Twentieth Century]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 48–69.

KIRILL SOLOV'YEV

PHD IN HISTORY, PRINCIPAL RESEARCHER AT THE INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES; PROFESSOR AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

THE NOTION OF TSARIST AUTOCRACY AT THE END OF NINETEENTH – BEGINNING OF TWENTIETH CENTURY

Abstract: This article is concerned with the concept of autocracy (*samoderzhavie*) in the version of the Russian intellectuals and higher bureaucrats in the late 19th – early 20th century. The research is based on the great variety of historical sources – both published and archival. It is emphasized that the Slavophile conception of autocracy calls for the dramatic change of the political regime, and for great institutional reforms. Actually, it camouflaged the oppositional intentions of the Russian elites who could not be sincere while claiming their political allegiance. It was a *mock loyalty* rhetoric. It meant the definitive rejection of the concept of the absolute monarchy that was an ideological core of the Russian statehood of that time. The followers of the Slavophile political vision criticized the institutions of *Polizeistaat* that – from their point of view – had no strong connection to the Russian culture. This way they approached the idea of the constitutional limitation of the Tzar's power. They supposed that the state could not be the only actor in the Russian history. They insisted on the necessity of the strict frames of its activity. The Slavophile rhetoric was a significant part of Russian intellectual life – among both the dedicated Slavophiles and those who accepted the Slavophile rhetoric to hide their antigovernmental way of thinking. It was no secret for many high-ranking bureaucrats of that time who did not accept the Slavophile point of view and who were too far from the Slavophile rhetoric. Russian Emperor's statements mainly were far from the Slavophile rhetoric, too. The canonic way of the understanding of autocracy belonged not to the Tsars, but to the Slavophile thinkers who worked in the editorial offices of Moscow newspapers and magazines, or in Saint-Petersburg Ministry offices. One more time it proves the political loneliness of the monarch power that could not expect any support even on the part of its officers – bureaucrats or courtiers.

Keywords: Tsarist Autocracy, Absolutism, Slavophilism, Bureaucratism.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-48-69.

REFERENCES

Anan'ich, B. V., ed. 1996. *Vlast' i reformy: ot samoderzhavnoy k Sovet-skoy Rossii [Power and Reforms: From Autocratic to the Soviet Russia]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Dmitriy Bulanin.

- Blyush, F. [Bluche, F.] 1998. *Lyudovik XIV [Louis XIV]* [in Russian]. Trans. from the French by L. D. Tarasenkova and O. D. Tarasenkov. Moskva [Moscow]: Ladomir.
- Boytsov, M. A. 2009. *Velichiyе i smireniye [Grandeur and Humility]: ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoy Yevrope [Essays on the Political Symbolism in the Medieval Europe]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Boytsov, M. A., and F. B. Uspenskiy, eds. 2010. *Vlast' i obraz [Power and Image]: ocherki potestarnoy imagologii [Essays on Potestas Imagology]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Burd'ye, P. [Bourdieu, P.] 2016. *O gosudarstve [Sur l'État]: kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1989–1992) [Cours au Collège de France (1989–1992)]* [in Russian]. Trans. from the French by D. Kralachkin and I. Kushnareva. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.
- Elias, N. 2002. *Pridvornoye obshchestvo [Die höfische Gesellschaft]* [in Russian]. Trans. from the German by A. P. Kukhtenkov et al. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Feoktistov, Ye. M. 1886. "Dnevnik [Diary]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the RAS Institute of Russian Literature]*. 318 (Ye. M. Feoktistov's Collection). 1/9120.
- . 1890–. 1896. "Dnevnik [Diary]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the RAS Institute of Russian Literature]*. 318 (Ye. M. Feoktistov's Collection). 1/9122.
- . 1991. *Za kulisami politiki i literatury [Behind the Scenes of Politics and Literature]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novosti.
- Fuko, M. [Foucault, M.] 2005. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo [Il faut défendre la société]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [Cours au Collège de France, 1975–1976]* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. A. Samarskaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Khenshell, N. [Henshall, N.] 2003. *Mif absolyutizma. Peremeny i preymstvinnost' v razvitiu zapadnoyevropeyskoj monarkhii rannego novogo vremeni [The Myth of Absolutism. Change & Continuity in Early Modern European Monarchy]* [in Russian]. Trans. from the English by A. A. Palamarchuk, L. L. Tsaruk, and A. A. Makhlov. Moskva [Moscow]: Aleteyya.
- Khomyakov, D. A. 1909. "Pis'mo K. N. Paskhalovu [Letter to K. N. Paskhalov]" [in Russian]. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. Nov. 24. 102 (the Police Department Fond). 265/402.
- . 1993. "Samoderzhaviye: opyt skhematiceskogo postroyeniya etogo ponyatiya [Tsarist Autocracy. Trying to Define the Notion]" [in Russian]. In *Pravoslaviye, samoderzhaviye, narodnost' [Orthodoxy, Autocracy, and Nationality]*. Moskva [Moscow].
- Kireyev, A. A. 1903. *Rossiya v nachale XX stoletiya [Russia in the Beginning of Twentieth Century]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg].
- Kokoshkin, F. F. 2010. *Izbrannoye [Selected Works]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Krevel'd, M. [Crevel'd, M. van]. 2006. *Rastsvet i upadok gosudarstva [The Rise and Decline of the State]* [in Russian]. Ed. by Yu. Kuznetsov and A. Makeyev. Moskva [Moscow]: IRIS-EN.
- Krom, M. M. 2018. *Rozhdeniye gosudarstva. Moskovskaya Rus' xv–xvi vv. [Birth of the Nation. Muscovy in Fifteenth and Sixteenth Centuries]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Kulomzin, A. N. 1905. "Zapiska E. V. Frishu [Note to E. V. Frish]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. Library. Typed Notes Collection. 45.
- Leont'yev, K. N. 2007. "Slavyanofil'stvo teorii i slavyanofil'stvo zhizni [Slavophilism in Theory and Slavophilism in the Real World]" [in Russian]. In *Book 1*, vol. 8 of *Polnoye sobraniye*

- sochineniy i pisem [Collected Works and Letters]. 12 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.*
- Liberal'noye dvizheniye v Rossii. 1902–1905 gg. [Liberal Movement in Russia, 1902–1905] [in Russian]. 2001. Moskva [Moscow].*
- Mansurov, P. B. 1907. "Pis'mo F. D. Samarinu [Correspondence to F. D. Samarini]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. June 1. 265 (Samarins' Collection). 193/12.
- "Mashinopisi materialov i adresa tsaryu moskovskogo dvoryanstva i moskovskogo zemstva [Typescript of the Materials and the Address to the Tzar by the Moscow Nobility and Moscow Zemstvo]" [in Russian]. 1905. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. 265 (Samarins' Collection). 116/31–33.
- Medushevskiy, A. N. 1994. *Utverzhdeniye absolyutizma v Rossii [The Establishment of Absolutism in Russia]: sravnitel'noye istoricheskoye issledovaniye [A Comparative Historical Study]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tekst.
- Miller, A. I. 2016. *Natsiya. Mogushchestvo mifa [Nation. The Might of Myth]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: YeU SPb.
- "Mozhet li zemskiy sobor vyvesti nas iz nastoyashchego polozheniya [Whether the Assembly of the Land Can Help Us Out Now]." 1905 [in Russian]. *Mirnyy trud [Peaceful Work]* (Apr. 4).
- Obolenskiy, A. D. 1899. "Pis'mo S. Yu. Vitte [Correspondence to S. Yu. Vitte]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. Aug. 440 (D. N. Shipov's Collection). 2/7.
- . 1905. "Zapiska o samodержavii [Note on the Autocracy]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. Library. Typed Notes Collection. 45.
- "Pis'mo iz Sankt-Peterburga D. N. Shipovu o soveshchaniy 6 dekabrya 1904 g. [Correspondence from Saint Petersburg to D. N. Shipov on the Meeting on 6th December 1904]" [in Russian]. 1904. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. . 440 (D. N. Shipov's Collection). 3/14.
- Pisar'kova, L. F. 2007. *Gosudarstvennoye upravleniye Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII vv. [State Management in Russia from the End of Seventeenth to the End of Eighteenth Century]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Polovtsov, A. A. 1874. "Dnevnik [Diary]" [in Russian]. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 583/1/7.
- . 2005. *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya [Secretary of State's Diary]* [in Russian]. Vol. 1. Moskva [Moscow]: Tsentrpoligraf.
- . 2014. *Dnevnik, 1893–1909 [Diary, 1893–1909]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Russkiy konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka [Russian Conservatism from the Mid-Eighteenth to the Early Twentieth Century]: entsiklopediya [The Encyclopaedia]* [in Russian]. 2010. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Samarin, F. D. 1904. "Pis'mo A. A. Kireyevu [Correspondence to A. A. Kireev]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. June 11. 265 (Samarins' Collection). 156/10.
- Sharapov, S. F. 1903. *Samoderzhaviye i samoupravleniye [Autocracy and Autonomy]* [in Russian]. Moskva [Moscow].
- . N. d. "Proyekt [Proposal]" [in Russian]. In *OPI GIM [Archive and Manuscript Section of the State Historical Museum]*. 2 (D. I. Ilovayskiy's Collection). 1/26.

- Sheremetev, P. S. 1903. "Zapiska [Note]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 1088 (The Sheremetevs). 2/465.
- Shipov, D. N. 1904. "Pis'ma M. V. Chelnokovu [Correspondence to M. V. Chelnokov]" [in Russian]. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 810 (M. V. Chelnokov's Collection). 1/492.
- . 2007. *Vospominaniya i dumy o perezhitom [Memories and Meditations on the Past]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Shmitt, K. [Schmitt, C.] 2016. *Ponyatiye politicheskogo [Der Begriff des Politischen]* [in Russian]. Trans. from the German by A. F. Filippova, A. P. Shurbeleva, and Yu. Yu. Korintsa. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Solov'yev, K. A. 2009. *Kruzhok "Beseda". V poiskakh novoy politicheskoy real'nosti, 1899–1905 ["Beseda" Coterie. In Search of New Political Reality, 1899–1905]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- [Suvorin, A. S.] 2000. *Dnevnik Alekseya Sergeevicha Suvorina [Aleksiej Sergeevich Suvorin's Diary]* [in Russian]. London and Moskva [Moscow]: Nezavisimaya gazeta / The Garnett Press.
- Uortman, R. [Wortman, R.] 1992. "Nikolay II i obraz samodержaviya [Nicolas II of Russia and the Image of Autocracy]" [in Russian]. In *Reformy ili revolyutsiya? Rossiya, 1861–1917 [Reforms or Revolution? Russia, 1861–1917]*, 18–30. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2002. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]* [in Russian]. Trans. from the English by S. V. Zhitomirskaya. Vol. 2. Moskva [Moscow]: OGI.
- Valuyev, P. A. 1919. *Dnevnik, 1877–1884 [Diary, 1877–1884]* [in Russian]. Petrograd: Byloye.
- [Valuyev, P. A.] 1961. *Dnevnik P. A. Valuyeva, ministra vnutrennikh del [Diary of P. A. Valuyev, Minister of the Interior]* [in Russian]. Ed. by P. A. Zayonchkovskiy. Vol. 1. Moskva [Moscow]: AN SSSR.
- Veber, M. [Weber, M.] 1990. *Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]* [in Russian]. Trans. from the German by Yu. N. Davydov. Moskva [Moscow]: Progress.